

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Тан Мэн Вэя

«Образ героя-интеллигента в русской литературе 1920 – 1930-х гг.:

литературная метрополия и диаспора. (Диалог с опытом китайской

литературы 1950 – 1960-х гг.)»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.01.01 – русская литература

Автор представленной работы поставил перед собой очень непростую задачу: очертить особенности в изображении героя-интеллигента не только в русской литературе 1920 – 1930-х годов, когда она разошлась на два потока, – литературу метрополии и эмиграции, но и в китайской послевоенной литературе, когда она также разделилась на два потока – литература континента («Китайской народной республики») и «островная» литература (т.е. литература Тайваня). В сущности, любая часть – русская или китайская – могла стать темой диссертации. Автор не просто усложнил задачу. Самой формулировкой темы он дал иное видение проблемы: если исторические обстоятельства привели к разделению единой литературы на два русла, то есть ли общие закономерности в существовании таких литератур? В какой-то мере диссертация, решая историко-литературную задачу, ставит, одновременно, проблему культурологическую.

Научная новизна работы очевидна: постановка вопроса говорит сама за себя. То же самое можно сказать об актуальности предпринятого исследования: когда мы обращаемся к истории мировой литературы, то неизбежно обнаруживаем общие закономерности внутри разных

литературных процессов. Век XX-й оказался трагическим и для России, и для Китая, история определила определенное сходство в развитии литератур этих стран, и потому сопоставление некоторых произведений, точнее – особенностей в изображении определенных героев разных литератур, может дать совершенно новое понимание в закономерностях литературных процессов.

Вот Михаил Булгаков в «Записках молодого врача» изображает молодого интеллигента, который оказался в совершенно новой для себя обстановке. Герой – начинающий врач, он только-только приступает к врачеванию больных. Как Булгаков пытается очертить жизнь своего героя? – Мозаично, через отдельные ситуации, в которые его герой попадает. Вот Ван Мэн, современный китайский классик, изображает молодого интеллигента в столь же новой для него обстановке в рассказе «Новичок в орготделе». Как обрисовывается жизнь героя? – Мозаично, через отдельные сюжеты. Наблюдение диссертанта может быть истолковано различным образом: 1) это особенность данных писателей, случайное совпадение; 2) это форма, удобная для начинающих авторов, потому оба писателя прибегли именно к такому принципу изображения; 3) здесь сказалась определенная историческая ситуация: каждый из героев оказался в новой для себя обстановке потому, что новой стала и сама жизнь. Ответы могут быть разные, но само наблюдение с неизбежностью заставляет их искать. Когда же подобного рода закономерности не ограничиваются сходством одной только черты или изобразительной особенности у разных авторов, мы можем говорить об определенных закономерностях. Поэтому и теоретическая, и практическая значимость представленной работы тоже не вызывает никаких сомнений, в ней заложено расширение самого горизонта исследований, а результаты могут быть использованы и при других подобных исследованиях, и при чтении лекционных курсов.

Главы в представленном исследовании подчинены хронологическому принципу. Объект первой главы – «Записки юного врача» Михаила

Булгакова, которые были закончены во второй половине 1920-х гг. Поскольку в своих рассказах Булгаков опирался на опыт В.В. Вересаева, автора книги «Записки врача», написанной за четверть века до «Записок юного врача», то творчество этого писателя тоже поневоле становится объектом исследования. Автор верно подметил, что при близости некоторых сюжетных мотивов в центре внимания Вересаева – проблема, в центре внимания Булгакова – судьба главного героя, и потому книга Вересаева стоит ближе к публицистике, тогда как Булгаков создает именно художественную прозу. Очень важно, что исследование не ограничивается описанием героя-интеллекта, каким он предстает у Булгакова, но автор стремится раскрыть и особенности художественного мира рассказов из этого цикла. Он замечает, что место действия («Мурьево», «Мурьевская больница», «мурьевская глушь») ассоциируется с семантикой подземелья, могилы (от слова «мурья» – «конура», «землянка», «пещера» и т.д.), т.е. изнанкой рассказов Булгакова может служить сюжет путешествия героя в загробный мир. Замечена роль сквозных метафорических мотивов: «красное – белое», «тьма – свет», образ метели, который восходит к творчеству Пушкина.

Вторая глава посвящена роману «Вечер у Клэр» Газданова. На примере этого произведения автор диссертации выявляет некоторые особенности прозы русского зарубежья, важнейшими из которых являются катастрофичность сознания героя и, во многом с этим связанная, обращенность повествования в пространство его внутренней жизни. Исследователь и в этой главе стремится не только обрисовать характерные черты героя-интеллекта, но и выявить особенности художественного мира романа, где важную роль, кроме сквозного образа Клэр, играют мотивы «путешествия», «смерти», «холода». Не менее важны и апокалиптические темы и мотивы, которые характерны не только для Гайто Газданова, но и для произведений других писателей русского зарубежья. Говоря о литературе русской диаспоры диссертант делает акцент и на том, что она, с одной стороны, была призвана хранить традиции великого прошлого, с другой, –

была открыта к усвоению творческого опыта западноевропейских писателей, что, разумеется, нашло свое выражение и в произведениях Газданова.

В третьей главе мы встречаемся с разработкой той же темы (метрополия – зарубежье) на примере двух представителей китайской литературы: Ван Мэна, творчество которого – часть литературы КНР, и Бай Сяньюна, представителя «островной» литературы. Внутренняя соотнесенность творчества этих представителей китайской литературы XX века с творчеством Булгакова и Газданова (как представителей литературы метрополии и эмиграции) – основной сюжет этой главы. Для русскоязычных филологов очень важен и общий очерк развития китайской литературы XX в., предложенный автором диссертации.

За рассказом «Новичок в орготделе» Ван Мэна и сборником рассказов «Тайбэйцы» Бай Сяньюна проглядывает уже знакомая коллизия: деление единой литературы на два русла. Здесь, в сравнении с двумя ветвями русской литературы, обнаруживаются и общие закономерности.

Если против героя Булгакова была оторванность от мира и невежество («тьма египетская») простых крестьян, то против героя Ван Мэна встает бюрократизм, формализм и равнодушие старших по возрасту «партийцев». Вместе с тем оба героя воспринимают себя частью большого единого целого и полны готовности преодолевать нескончаемые трудности в своей жизни и в своей работе.

Есть определенная близость у героя Газданова и героев Бай Сяньюна. Важную роль в жизни героев тайваньского прозаика играют апокалиптическое ощущение мира, память, отчужденность от внешнего мира. Обращаясь к рассказу «Зимний вечер», автор диссертации находит и близкий Газданову мотив «холода», важный для произведения китайского прозаика. И если подвести итог, дать основной вывод из этой главы, то можно сказать: автор исследования считает неслучайным ощущение вовлеченности в общую жизнь, невзирая на ее трудности, у героев писателей метрополии, и столь же неслучайным стремление уходить во внутреннюю

жизнь у героев писателей диаспоры. Важно, что в этом выводе Тан Мэн Вэй весьма убедителен. Ощущение общего будущего в одном случае, и чувство оторванности от живого прошлого во втором, несомненно, должно было сказаться на мировосприятии писателей, а, следовательно, и на их героях, и, вместе с тем, на манере повествования. Сам подход к сопоставлению писателей метрополии и диаспоры, благодаря привлечению писателей из разных культурных пространств, дает возможность по-новому осмыслить саму проблему.

Разумеется, столь разнообразный материал, который был привлечен автором, и столь разностороннее исследование не могли обойтись без некоторых недочетов, о которых тоже хотелось бы сказать. В первой главе, говоря о связи литературы и медицины, упоминая творчество Чехова, автор мог бы заметить, что сравнение общества с больным организмом – вообще характерно для русской литературы XIX века. И не случайно Чехов ценил слова Лермонтова в предисловии к роману «Герой нашего времени»: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж Бог знает!» Говоря о публицистичности «Записок врача» Вересаева стоит сказать, что здесь автор произведения во многом следует традиции русского очерка писателей народнического толка, где важна была не только художественная сторона произведения, но и та польза, которую оно может принести, воздействуя на умы современников (при этом авторы несколько прямолинейно понимали сами механизмы этого воздействия).

В главе второй Тан Мэн Вэй пишет о сочувственном отношении Георгия Адамовича к статье Газданова «О молодой эмигрантской литературе» и тут же замечает, что, вместе с тем, критик назвал это выступление молодого писателя «гимназической писаревщиной». Последнее выражение относилось не к основным положениям статьи, а к стремлению Газданова ниспровергнуть в своем выступлении некоторые общепризнанные авторитеты. Кстати, эта особенность статьи Газданова во многом помешала и тому, чтобы выступающие по ее поводу литераторы могли выразить свое

согласие с ним, и тому, чтобы более отчетливо вести с этой статьей полемику. Неточно и замечание, что роман «Вечер у Клэр» стал возвращаться к читателю метрополии «с середины 1990-х гг.». Первое же полное его издание в 1990 г., предпринятое С.С. Никоненко, было замечено (см.: Газданов Гайто. Избранное. М.: Современник, 1990). Шире стоило бы посмотреть и на проблему возможного воздействия Марселя Пруста на Газданова. О таком же воздействии говорили в связи с одним из главных произведений Бунина «Жизнь Арсеньева», и писатель тоже уверял собеседников, что Пруста не читал (см., напр., письмо Бунина П.М. Бицилли от 5 апреля 1936 г. в кн.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. С. 107). Здесь важно, что само существование писателей-эмигрантов подталкивало их к воспоминаниям и, соответственно, к особой роли памяти не только в обрисовке действия или характеров, но даже в манере повествования.

В третьей главе известнейшая фраза: «Мы не в изгнании, мы в послании», – без колебаний приписывается Д.С. Мережковскому. На самом деле она восходит к одной строке из «Лирической поэмы» Н. Берберовой, где, впрочем, звучит не столь «обобщенно»: «Я не в изгнании, я в послании» (Берберова Н.Н. Лирическая поэма // Современный записки. Кн. XXX. С. 227). Еще одно маленькое замечание, которое касается третьей главы диссертации, более похоже на пожелание. Хотелось, чтобы автор исследования, когда он снова обратится к теме традиций в изображении героя-интеллекта в китайской литературе, ввел бы в круг своего внимания одну из самых необыкновенных книг – «Шесть записок о быстротечной жизни» Шэнь Фу. Судя по содержанию третьей главы диссертации, многие особенности этого классического произведения в той или иной мере отразились у обоих разбираемых писателей.

Очевидно, что указанные замечания никак не влияют на общую оценку представленной работы, несколько не снижают общей ценности диссертации. Подводя итог, хотелось бы вновь подчеркнуть новизну подхода

Диссертация Тан Мэн Вэя «Образ героя-интеллекта в русской литературе 1920 – 1930-х гг.: литературная метрополия и диаспора. (Диалог с опытом китайской литературы 1950 – 1960-х гг.)» является научно-квалифицированной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для филологической отрасли знаний, и полностью соответствует п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Тан Мэн Вэй, достоин присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

К.ф.н., доцент кафедры
новейшей литературы ФГБОУ ВО
«Литературный институт
имени А.М. Горького» Федякин С.Р.

Подпись Ф. Смирнов
заверяется
Нач. отдела Крижановский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ ОТЗЫВА

Федякин Сергей Романович, доцент кафедры новейшей литературы
ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»

127572, Москва, ул. Череповецкая, д. 5/14, КВ. 207;

serofed@yandex.ru; тел. 8-499-200-35-68; 8-915-373-14-24;

Ученая степень – кандидат филологических наук, ученое звание –
доцент.

Почтовый адрес организации:

123104, Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25.

Тел. 8 (495) 694-06-61

E-mail: rectorat@litinstitut.ru

Официальный сайт:

<http://litinstitut.ru/>

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ОТЗЫВА

Федякин С.Р. Гайто Газданов: искусство изобразительности // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 242-250.

Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2014. 102 с.

Федякин С. Р. «Уходящий берег Крыма» в произведениях Н. Тuroверова, Б. Поплавского, Г. Газданова и В. Набокова. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 122-133. (0,89 а.л.)

Федякин С.Р. Алексей Ремизов // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016 (История

русской литературы XX века / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им.
А.М. Горького). С. 555 – 632. (5,3 а.л.)

К.ф.н., доцент кафедры
новейшей литературы ФГБОУ ВО

«Литературный институт

имени А.М. Горького»

Федякин С.Р.

